

Scan, OCR, SpellCheck: Kapti, 2009г

Л.Чарская

Княжна Дорушка.

В тот год на Страстной неделе я по приглашению дяди приехала гостить в только что приобретенное им Троеполье. Имением этим, когда-то образцовым, роскошным, теперь совершенно запущенным и пришедшим в упадок, владели несколько поколений старинного княжеского рода Троепольских, медленно, но верно разоряя его при содействии целой вереницы управляющих, конторщиков, дворецких и прочей челяди.

В конце концов, княжеское гнездо пошло с молотка и досталось дяде.

Мне, тогда еще молоденькой институтке, с худеньким детским лицом и пытливыми глазами, склонной помечтать и пофантазировать, ужасно нравилась эта запущенная барская усадьба с огромным старинным домом, с колоннами и антресолями, с зимним садом, бильярдной и банкетной, словом, со всеми причудами прадедовской старины.

Особенно нравилась мне картинная галерея... Портреты в старых, с облезшей позолотой, рамах в несколько рядов покрывали собой стены. Один из них исключительно привлекал мое внимание.

Это был портрет совсем молоденькой девушки. Некрасивое грустное личико. Тонкие шнурочки бровей. Большие кроткие глаза, что-то говорящие, что-то таящие, о чем-то вспоминающие. Внизу коротенькая надпись: "Княжна Дорушка".

Я любила забираться в картинную галерею рано утром, когда яркие блики апрельского солнца играли на бледном холсте, оживляя краски, углубляя выражение милого личика княжны Дорушки.

Изображенные на других портретах старики - в шляпах с плюмажем, в туго затянутых мундирах - красавицы с неизменными розами в руках и жеманными улыбками, стройные кавалеристы, опирающиеся на сабли, - все они далеко не привлекали так внимания, как изображение княжны Дорушки.

- Милая княжна! - стоя перед портретом, шептала я, - почему ты такая печальная? Какова была твоя судьба? Что хочешь сказать своим тоскливым взглядом? Что таится в твоей грустной улыбке?

Была Страстная суббота. Дядя с утра хлопотал в саду. Под его наблюдением расчищали от остатков снега рыхлые дорожки. В раскрытые форточки врывались свет и аромат весны. На кухне, в столовой, в людских, - повсюду шла суета невообразимая. В огромной русской печи медленно и важно поднимались куличи и бабы: шоколадные, шафранные, кружевные. На длинном столе красили яйца и покрывали глазурью окорока.

Голос тетки гремел на весь дом, под аккомпанемент огромной связки ключей, которые она носила у пояса.

- Марфуша, пора ромовую в печь ставить... Татьяна, а телятину вынули? Смотрите, сгорит! Где лиловая краска? Куда вы ее засунули? Ах, ты Господи!

Я убежала от этой суеты подальше, и, конечно, в картинную галерею, туда, где висел портрет княжны Дорушки. Солнце играло на облупившейся раме и блеклых красках. И нежное тоненькое личико и большие серо-голубые глаза Дорушки показались совсем живыми и такими трогательно-грустными, что меня неудержимо потянуло коснуться их губами. И отдавшись без оглядки охватившему меня чувству, я вскочила на потертый штофный диванчик и обняла раму портрета.